

Легитимность, признание, действительность и отмена правовых норм в юридическом словоупотреблении

Антонов М. В.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики

***Аннотация.** Данная работа имеет своим предметом исследование юридических значений высказываний о легитимности права и их возможной понятийной связи с высказываниями о действительности права. Анализируются генезис дискурса о легитимности права, определение критериев признания в праве, а также их значение для потенциального лишения юридической силы (действительности) отдельных норм права как формы их «делегитимации». В работе рассматривается вопрос о том, может ли обязывающая сила права зависеть от легитимности права, от его признания со стороны адресатов. Автор указывает на концептуальные проблемы, возникающие в дискуссиях о признании права и о легитимности права как об основании его обязывающей силы. Уточняются различные смыслы терминов «признание» и «легитимность» в юридическом языке, а также возможные ситуации, при которых высказывание о легитимности той или иной нормы права или всей правовой системы может повлиять на действие такой нормы или системы. В статье подчеркивается, что не критическое использование термина «легитимность» в суждениях о действии норм права может послужить обоснованием того, что допустимо нарушение формально действующей нормы ее адресатами по причине ее предполагаемой нелегитимности или отсутствия признания. Множественность смыслов выражения «легитимность права» требует от юристов критического и ответственного отношения к попыткам отрицать действие норм права по причине их предполагаемой нелегитимности, что нередко имеет место в таких отраслях права как международное и конституционное право. В противном случае языковые игры с двусмысленными понятиями могут привести к необоснованному отрицанию обязывающей силы за публично-правовыми нормами и, тем самым, к подрыву режима верховенства права.*

***Ключевые слова:** легитимность, легальность, правопорядок, действительность права, обязывающая сила права, отмена, признание.*

Точность в употреблении правовых понятий имеет особую значимость, поскольку в юридическом языке от такой точности в суде и других юрисдикционных органах может нередко зависеть выбор того или иного варианта распределения прав и обязанностей, возложение или снятие с лица юридических обязательств¹. Тем более уяснение значений спорных понятий значимо в тех ситуациях, когда перед юрисдикционным органом ставится вопрос об изъятии из действия нормы применительно к определенному фактическому состоянию дел, к определенному лицу или применительно к «отменительному» (*defeasible*) истолкованию правовой нормы — истолкованию, которое означает содержательную несовместимость данной нормы с тем правопорядком, в который она формально включена.

Иными словами, в рамках правового спора лицо может потребовать не применять некую норму в его случае по причине ее «неправильности» (неконституционности, противоречия принципам права или вышестоящим нормам права, неодобрения общества и т.п.). При решении такого вопроса об исключении действия некоей нормы права, как правило, речь идет о ее содержательной «неправильности», что исключает ее применение либо в данном конкретном случае, либо во всех будущих случаях рассмотрения соответствующих споров. Парадигмальным примером значения легитимности в праве в этом отношении может быть ситуация самосуда — ситуация, когда население отрицает власть формального права, выносит и исполняет свой приговор, что является легитимным, т.е. оправданным и поддержанным со стороны общественного мнения. Аргументация такого самосуда может опираться на множество обоснованных этических и прагматических соображений (продажность, некомпетентность

¹ Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Изд. Томского университета, 2016.

и несамостоятельность судов, вопиющая несправедливость законов, неразумность судебных процедур и т.п.), которые будут вступать в противоречие с материальными и процессуальными нормами действующего права. Основными вопросами для юриста применительно к нормативному значению суждений о легитимности правовых норм в такой ситуации должны быть вопросы о том, при каких обстоятельствах будет оправдан такой самосуд и может ли он вообще быть оправдан с юридической точки зрения.

В юридическом языке есть немало понятий, которые могут использоваться для обоснования нормативных исключений из действия тех или иных правовых предписаний в зависимости от такой «содержательной неправильности». Большинство из них в истории философии права можно отнести к категории сущностно оспоримых понятий, в которые одинаково корректно могут быть вложены различные содержания: справедливость, разумность, природа вещей и т.п. В числе этих понятий находится и понятие «легитимность», которое в преобладающей отечественной юридической литературе воспринимается как указывающее на одобрение и поддержку (признание) правовой системы со стороны участников правопорядка². Взаимосвязь действия права и легитимности как признания обществом права, на первый взгляд, кажется очевидной — чтобы право могло действовать, т.е. подчинять своему регулирующему воздействию отношения людей, оно должно быть в той или иной форме принято людьми как руководство к их действиям. Но более внимательное рассмотрение термина «легитимность права» обнаруживает множество смыслов, которые конфликтуют между собой и затрудняют точное использование данного термина при решении вопроса об отмене норм права по причине их нелегитимности. Поэтому вопрос о юридическом значении легитимности права в ракурсе проблематики отмены (*defeseability*) в юридическом языке³ требует четкого уяснения содержания самого понятия «легитимность» и его импликаций для правоправедения.

² Например: Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права: введение в теорию. М.: Юрлитинформ, 2014. См. также: Честнов И.Л. Проблема легитимности права: размышления на полях монографии В.В. Денисенко «Легитимность как характеристика сущности права» // Правоведение. Известия вузов. 2014. № 6. С. 257-267.

³ Касаткин С.Н. Аскриптивизм и отменяемость понятий юридического языка: очерк концепции Герберта Харта // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 677-721; Лисанюк Е.Н. Лояльный агент и отменяемость в деонтической логике // Известия УрФУ. Общественные науки. 2014. Т. 1(125). С. 32-44.

До Макса Вебера, который предложил понимать легитимность как социологический показатель одобрения власти населением, смысл этого понятия в его превалирующем употреблении совпадал по смыслу со значением правомерного или законного властвования. Если обратиться к этимологическому значению понятия «легитимность», оно указывает на латинский термин «законы», откуда легитимность дословно означает свойство законного правления. Если бы использование рассматриваемого термина ограничивалось только его этимологическим значением, то ответ на вопрос о соотношении легитимности и действительности права был бы достаточно тривиальным — легитимным будет то право, которое установлено согласно действующему правопорядку. Эту цепочку обоснования можно продолжать и далее, к предшествующему правопорядку, далее к первой конституции (основной норме) правопорядка. Следовательно, обязательным к соблюдению будет то право, которое надлежащим образом установлено законными властями. Таким образом, легитимное право и действующее право суть тождественные понятия в этом юридическом ракурсе. В этом плане идея сама по себе затея с выделением «легитимности» как критерия правомерности существующего правопорядка приводит только к удвоению понятий (легитимное и действующее право) — именно на этом настаивал Ганс Кельзен в его известной полемике с Карлом Шмиттом конца 1920-х годов⁴.

Со своей стороны Шмитт выводил обязанность подчинения праву (т.е. обязывающую силу права) из легитимности, понимаемой как соответствие норм права коллективным моральным идеалам народа⁵, которые формулируются и выражаются сувереном. Следуя этому предложенному Шмиттом словоупотреблению, легитимность нормы права в политологическом и философском дискурсах понимается как *обоснованность* этой нормы. То же самое можно применить и к праву в целом: право будет легитимным, если у его адресатов есть основание следовать ему, а это основание, в свою очередь, производно от коллективного согласия народа на подчинение праву.

С социологической точки зрения, обоснованной М. Вебером⁶, значимость (по сути, вера людей в правильность существующих властных институтов и их действий) создает у населения

⁴ Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Право и политика. М.: Территория будущего, 2016. С. 27-220; Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? // Там же. С. 359-410.

⁵ Эти идеалы отсылают к «огромному пласту социально-психологических представлений, связанных с историей, традицией, представлениями о будущем» (Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. С. 75).

⁶ Вебер М. Хозяйство и общество. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2016.

мотивы повиновения действиям и распоряжениям властей: чем больше степень значимости, тем сильнее эти мотивы и тем меньше усилий приходится предпринимать властям для реализации своей политики в обществе. Применительно к праву веберовская легитимность имеет значение для усиления действенности правового регулирования, хотя между степенью легитимности и эффективностью регулирования не всегда можно провести прямую зависимость. В качестве такого социологического показателя эффективности права легитимность значима при оптимизации правового регулирования применительно к обеспечению его максимальной полезности. Если в качестве критерия полезности брать бентамовский критерий максимальной пользы для максимального количества индивидов, если принимать как гипотезу то, что люди правильно и разумно судят о своей пользе, и если рассматривать в качестве цели правового регулирования обеспечение индивидам удобства (пользу) в нормировании их социальных связей с другими индивидами, то легитимность права оказывается одним из показателей степени достижения правом этой цели.

Однако обсуждение вопроса об определении целей в праве и путях их достижения через право предполагает множественность таких целей и потенциальный конфликт между ними, из чего следует необходимость ценностного выбора между ними. Поэтому данный вопрос уводит в область философско-правовой аксиологии и аксиоматики, в которой на протяжении тысячелетий велись напряженные споры между сторонниками и противниками естественно-правовых доктрин. В философско-правовых дискуссиях о надпозитивном праве нередко предпринимались попытки обосновать исключение юридического действия для тех правовых норм, которые формально введены в правопорядок, но которые предположительно не соответствуют целям правового регулирования и ценностям, которые право призвано защищать, и поэтому не находят поддержки среди населения. Иными словами, отсутствие легитимности (признания или одобрения со стороны населения) означает возможную концептуальную основу для суждения о лишении данных норм их юридического действия.

Как же обосновывается такой переход от фактического суждения об отсутствии поддержки населения к нормативному суждению о дозволенности не соблюдать норму, лишенную такой поддержки? Нередко в философско-правовой литературе выдвигается утверждение о том, что чтобы право могло действовать, т.е. подчинять своему регулируемому воздействию отношения людей, оно должно быть в той или иной форме принято людьми

как руководство к их действиям⁷. Джон Локк предполагал, что согласие народа образует необходимую основу всякого законного правления и, соответственно, является условием подчинения народа тем нормам, которые устанавливает государство⁸. Это интуитивно понятное утверждение тем не менее может привести к таким выводам, юридическая корректность которых сомнительна. Нередко, к примеру, из суждения о том, что некое правительство нелегитимно, делается вывод о юридической допустимости смены этого правительства или нарушения установленных им норм — именно эта логика, как правило, лежит в основании революционной смены политических режимов и попыток такой смены. Такая логика основывается на предположении, что нелегитимные нормы можно обходить и нарушать или что их можно лишать правовой защиты по причине неодобрения общественным мнением (большинством)⁹.

Такого рода рассуждения должны восприниматься с большой осторожностью, поскольку смешение фактического и нормативного может легко привести к ошибочным суждениям¹⁰. Подобные суждения в непозитивистском философско-правовом дискурсе часто основаны на подмене разных значений понятий «легитимность» и «признание» в ходе рассуждений: из предположения некоей идеальной ситуации «дискурсивной игры» (например, у Ж.-Ф. Лиотара) по поводу разумных условий признания права выводится посылка о том, что адресаты обязаны признать установленные в рамках такого дискурса нормы права и что, соответственно, у адресатов нет такой обязанности применительно к тем нормам, установление которых по тем или иным причинам не соответствует принципам рационального дискурса¹¹. Так, Хабермас утверждает, что «та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают (или могли

⁷ Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. 2001. № 2. С. 113-131; Денисенко В.В. О понимании термина «легитимность» как категории правоправедения // Вестник Воронежского государственного университета. 2011. № 2. С. 104-110.

⁸ Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 136.

⁹ См. об этом: Thomas C.A. The Uses and Abuses of Legitimacy in International Law // Oxford Journal of Legal Studies. 2014. №. 34(4). P. 729-758.

¹⁰ См. об этой проблематике: Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство и народная воля? // РЖПИ. 2017. № 3(12). С. 9-19.

¹¹ Алекси Р. Юридическая аргументация как рациональный дискурс // Российский ежегодник теории права. Вып. 1. 2008. С. 452-453.

бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу»¹². Отсюда могут делаться дальнейшие политические выводы о правомерности революционной смены режимов, об отсутствии обязывающей силы у «неправильных» правопорядков и (или) правовых норм, о праве «цивилизованных наций» вмешиваться в дела других государств, чтобы помочь народам этих государств избавиться от нелегитимных правительств.

Вместе с тем, сама проблематика признания или одобрения населением права далеко не столь очевидна, как это могло бы показаться на первый взгляд. Вопрос о критериях признания как условия действия права обсуждается юристами уже более полутора веков. Так, Эрнст Рудольф Бирлинг еще в XIX в. сформулировал теорию признания (*Anerkennungstheorie*), которая акцентирует внимание на факте признания нормы членами той или иной социальной общности в качестве мотивов поступков. Эта теория была неоднократно подвергнута критическому разбору, разными авторами в нее вносились многочисленные дополнения. До настоящего времени она остается предметом оживленных философских дебатов¹³, которые касаются этических оснований юридической обязанности лица отвечать за свои действия.

В качестве этической основы нормативного регулирования признание может выступать либо как часть понятия «обязывающая сила права», либо как фактическое условие такой силы и может означать совершенно разные вещи — от социологического факта признания (доверие населения к своему праву, согласие населения с правовым регулированием, готовность и желание использовать официальное право для решения проблем и споров, и т.п.) до нормативной обязанности разумных лиц принять разумное право. Эта обязанность может служить референтом для обоснования обязывающей силы права по причине общего использования права населением и властными институтами как стандарта поведения (например, «правило признания» у Герберта Харта). Таким образом, признание может осуществляться в рамках идеальной ситуации рационального дискурса или в рамках реальной стратегической игры между лицами с разнонаправленными интересами (например, в судебном процессе). Нетрудно представить, что с этих двух разных точек зрения наличие факта признания некоего правового установления может получить противоположные оценки.

С логической точки зрения признание может быть или *достаточным* условием нормативной

значимости права (и тогда все нормы, поддерживаемые населением, будут иметь обязывающую силу), или *необходимым* условием (и тогда нормы, которые не имеют общественной поддержки, не будут юридически действовать)¹⁴. Рассмотрение признания как *достаточного* признака нормативности права будет означать либо возврат к эмотивистскому пониманию обязывающей силы права (наподобие предложенного в психологической теории Л.И. Петражицкого, где признание рассматривается как социально-психологический факт), либо к естественно-правовому поиску «правильного права», если признание понимать как мысленно конструируемый рациональный дискурс. При рассмотрении признания в качестве *необходимого* признака нормативности права юристы, которые сталкиваются с правильными по форме и содержанию нормами, установленными в рамках действующего правопорядка согласно надлежащей процедуре, но не имеющими общественной поддержки (или не находящими своего обоснования в перспективе рационального дискурса), будут поставлены перед вопросом о том, влечет ли отсутствие народного одобрения недействительность отдельных норм. Надуманность подобного рода рассуждений очевидна, поскольку большинство правопорядков не предусматривают изъятий из действия норм права по причине их недостаточного одобрения населением — за исключением случаев дерогации в обычном праве.

Возможна и третья ситуация, при которой признание рассматривается лишь как факультативное условие действия права (или, соответственно, факультативный признак понятия права), право обладает юридической силой по факту его надлежащего установления и при условии правильности (справедливости) его содержания, но признание права улучшает его качество и повышает его эффективность в обществе. В этой третьей ситуации признание не будет ни нормативным условием действия права, ни концептуальным условием определения права, что делает возможным одновременные противоречивые суждения о легитимности нормы права. Например, некая морально правильная норма права может быть легитимной в том смысле, что она направлена на общую пользу и отвечает универсальным моральным принципам, но нелегитимной в том смысле, что население эту норму не поддерживает или в том смысле, что она не отвечает уровню культурного развития общества.

¹² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 104.

¹³ Honneth A. Das Ich im Wir: Studien zur Anerkennungstheorie. Responsibility. Berlin: Suhrkamp, 2010.

¹⁴ То же самое получается, если рассуждать о признании как о достаточном и необходимом концептуальном условии (сущностном признаке) определения права (ср.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012, разд. 3.1 «Признаки права»).

Легитимность в праве может обнаруживаться, как минимум, в трех аспектах, которые весьма вероятно будут между собой расходиться в конкретных ситуациях: *субъектная*, *процедурная* и *содержательная* легитимность. Так, создание нормы права может приписываться легитимному или нелегитимному *субъекту*. Например, непопулярный президент издает указ, и применительно к этому указу изначально могут возникнуть сомнения в дефиците его легитимности по причине недостаточной социальной поддержки деятельности или личности президента в обществе, независимо от содержания самого указа. Другой процедурный дефект легитимности может возникнуть, если легитимный субъект издает правовой акт в обход установленной *процедуры*. Например, пользующийся народной поддержкой президент в социально оправданных целях борьбы с терроризмом, но в тайне от общества и от парламента издает указ о пытках в секретных тюрьмах. Легитимным или нелегитимным может быть некое действие или предмет воздействия по своему *содержанию*. Например, отмена смертной казни или введение однополых браков законом, принимаемым легитимно избранным парламентом в рамках установленных процедур, если такой закон не поддерживается подавляющим большинством населения. В результате мы получаем многочисленные ситуации, в которых можно утверждать, что некий нормативно-правовой акт легитимен и нелегитимен одновременно (например, акт имеет субъектную легитимность, но не имеет процедурной и содержательной легитимности, и т.п.). В таких ситуациях можно легко столкнуться с перформативными противоречиями в смысле противоречия между суждениями о том, что некая норма (и предписанное ею действие) одновременно легитимна и нелегитимна и что у субъекта одновременно есть обязанность и нет обязанности следовать этой норме¹⁵.

Трудностей добавляет и то, что такое «легитимное право» (та часть правопорядка, что считается легитимной) может отличаться по содержанию от официального права и использоваться для обоснования обхода норм этого права во имя наиболее полной реализации «воли народа», чему история дает много примеров. Возможность использовать легитимирующий дискурс для обхода позитивированных норм права, в частности, была обоснована в работах Карла Шмитта¹⁶, который принижал значение общих норм права

(«правило», принцип легальности) по сравнению с усмотрением тех, кто выражает народные убеждения и пользуется поддержкой народа («исключение», принцип легитимности). За счет семантической и смысловой многозначности использование этого концепта в праве может привести к сознательному манипулированию позитивным правом в целях проведения той или иной идеологии, в предпочтении инструкций, разъяснений и прочих «мер» (в терминологии Карла Шмитта) конституции и законам¹⁷. Особенно это опасно для обществ с несформировавшейся правовой культурой, где следование правилу рассматривается не как самостоятельная ценность, а как практическое требование, вытекающее из внеправовых оснований, одним из которых может служить наличие общественной поддержки норм права.

В этой связи стоит с осторожным скептицизмом относиться к попыткам представить легитимирующий дискурс в праве и о праве как некое новое слово в философско-правовых исследованиях и как ключ к преодолению теоретических и практических проблем правоведения¹⁸. Из изложенного можно сделать вывод, что этот дискурс способен внести еще большую концептуальную неопределенность в вопрос об источниках обязанности адресатов подчиняться нормам права и о возможности судей и политических деятелей действовать за пределами позитивного права: в ситуации «исключения» из действия предположительно нелегитимных норм права.

Нетрудно понять причины притягательности легитимирующего дискурса, позволяющего оправдать обход позитивного права во имя высших идеологических начал¹⁹ и, в конечном счете, обосновать децизионизм в праве (примером этому может служить использование концепции «революционного правосознания» в первые годы советской власти). Есть сомнения в ценности, практической и теоретической, акцентирования мнимой значимости этого дискурса, особенно в таких критических для философии права вопросах, как основания и условия действия права. Открытая текстура права²⁰ требует от юристов особой

¹⁷ Шмитт К. Легальность и легитимность (Послесловие к изданию 1958 г.) // Социологическое обозрение. 2012. № 3. С. 76-92. См. также: Назмутдинов Б. В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмитта // Правоведение. Известия вузов. 2015. № 1. С. 150-165.

¹⁸ Шугуров М. В. Феномен легитимности права: философско-правовое осмысление // РЖПИ. 2015. № 1(2). С. 86-103.

¹⁹ Сендеров В. А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмитт // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 167-175.

²⁰ Оглезнев В. В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2(34). С. 237-244.

¹⁵ Дидикин А. Б. Следование правилу и юридический язык: аргументы реализма и антиреализма // Известия Уральского федерального университета. Общественные науки. 2015. Т. 146. № 4. С. 66-72.

¹⁶ Шмитт К. Легальность и легитимность // Шмитт К. Право и политика. М.: Территория будущего, 2016. С. 221-306.

ответственности при использовании в юридическом дискурсе многозначных понятий, наподобие термина «легитимность». Но при этом нельзя отрицать важность выяснения вопросов, касающихся легитимности права (в социологическом значении понятия «легитимность»), для улучшения параметров функционирования механизма правового регулирования.

Список литературы

1. Алекси Р. Юридическая аргументация как рациональный дискурс // Российский ежегодник теории права. 2008. Вып. 1. С. 452-453.
2. Вебер М. Хозяйство и общество. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2016. 448 с.
3. Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права: введение в теорию. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.
4. Денисенко В.В. О понимании термина «легитимность» как категории правоведения // Вестник Воронежского государственного университета. 2011. № 2. С. 104-110.
5. Дидикин А.Б. Следование правилу и юридический язык: аргументы реализма и антиреализма // Известия Уральского федерального университета. Общественные науки. 2015. Т. 146. № 4. С. 66-72.
6. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. 2001. № 2. С. 113-131.
7. Касаткин С.Н. Аскриптивизм и отменяемость понятий юридического языка: очерк концепции Герберта Харта // Российский ежегодник теории права. 2011. Вып. 4. С. 677-721.
8. Кельзен Г. Кто должен быть гарантом конституции? // Шмитт К. Право и политика. М.: Территория будущего, 2016. С. 359-410.
9. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство и народная воля? // РЖПИ. 2017. № 3(12). С. 9-19.
10. Лисанюк Е.Н. Лояльный агент и отменяемость в деонтической логике // Известия Уральского федерального университета. Общественные науки. 2014. № 1(125). С. 32-44.
11. Локк Дж. Два трактата о правлении. Соч. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137-405.
12. Назмутдинов Б.В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмитта // Правоведение. Известия вузов. 2015. № 1. С. 150-165.
13. Оглезнев В.В. «Открытая текстура» юридического языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2(34). С. 237-244.
14. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия, юридический язык и философия права. Томск: Изд. Томского университета, 2016. 236 с.
15. Сендеров В.А. Тоталитарное мышление в России и Карл Шмитт // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 167-175.
16. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
17. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010. 264 с.
18. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
19. Честнов И.Л. Проблема легитимности права: размышления на полях монографии В.В. Денисенко «Легитимность как характеристика сущности права» // Правоведение. Известия вузов. 2014. № 6. С. 257-267.
20. Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Право и политика. М.: Территория будущего, 2016. С. 27-220.
21. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа. М.: В. Даль, 2006. 300 с.
22. Шмитт К. Легальность и легитимность (Послесловие к изданию 1958 г.) // Социологическое обозрение. 2012. № 3. С. 76-92.
23. Шмитт К. Легальность и легитимность // Шмитт К. Право и политика. М.: Территория будущего, 2016. С. 221-306.
24. Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
25. Шугуров М.В. Феномен легитимности права: философско-правовое осмысление // РЖПИ. 2015. № 1(2). С. 86-103.
26. Honneth A. Das Ich im Wir: Studien zur Anerkennungstheorie. Berlin: Suhrkamp, 2010. 308 s.
27. Thomas C.A. The Uses and Abuses of Legitimacy in International Law // Oxford Journal of Legal Studies. 2014. № 34(4). P. 729-758.

Legitimacy, Recognition, Validity and Abolition of Legal Norms in Legal Usage

Antonov M. V.,
PhD in Law,

Associate Professor of the Department
of Theory and History of Law and State
of the Saint-Petersburg branch of Higher School of Economics

Abstract. *The present paper has as its object the investigation into meanings of propositions about legitimacy of law and their possible conceptual interconnection with propositions about validity of law. The paper analyzes the genesis*

of the legitimacy discourse in law, the criteria of recognition in law and their significance for defeasibility of particular norms of law as a way of «delegitimizing» these norms. The author examines whether and under which circumstances binding force of law can be dependent on legitimacy of law and on recognition of law by its addressees. The author points out at some conceptual problems that arise in the connection with discussions about the recognition of law considered as a foundation of its binding force. Different meanings of the concepts of legitimacy and recognition in legal parlance are analyzed, as well as various situations in which a proposition about legitimacy of a legal norm or of a legal system might have effect on validity of such a norm or a system. It is underscored that an indiscriminate use of the concept «legitimacy» in propositions about validity of legal norms can result in violations of such norms by their addressees because of the alleged illegitimacy of these norms. The variety of meanings of the expression «legitimacy of law» requires from lawyers to be critical and to assume responsibility against attempts to deny validity of legal norms because of their supposed illegitimacy, what is not a rare situation in such branches of law as international or constitutional law. Otherwise, language games with ambiguous notions might result in unjustified denial of binding force of norms of public law and, consequently, in undermining the rule of law.

Keywords: legitimacy, legality, legal order, validity of law, binding force of law, defeasibility, recognition.

References

1. Aleksi R. Yuridicheskaya argumentatsiya kak ratsionalnyj diskurs // Rossijskij ezhegodnik teorii prava. 2008. Vyp. 1. S. 452-453.
2. Veber M. Khozjaystvo i obschestvo. M.: ID NIU VSHE, 2016. 448 s.
3. Denisenko V.V. Legitimnost kak kharakteristika suschnosti prava: vvedenie v teoriyu. M.: Yurlitinform, 2014. 184 s.
4. Denisenko V.V. O ponimanii termina «legitimnost» kak kategorii pravovedeniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2. S. 104-110.
5. Didikin A.B. Sledovanie pravilu i yuridicheskij yazyk: argumenty realizma i antirealizma // Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Obschestvennye nauki. 2015. T. 146. № 4. S. 66-72.
6. Zavershinskij K.F. Legitimnost: genezis, stanovlenie i razvitie kontsepta // Polis. 2001. № 2. S. 113-131.
7. Kasatkin S.N. Askriptivizm i otmenyaemost ponyatij yuridicheskogo yazyka: ocherk kontseptsii Gerberta Kharta // Rossijskij ezhegodnik teorii prava. 2011. Vyp. 4. S. 677-721.
8. Kelzen G. Kto dolzhen byt garantom konstitutsii? // Shmitt K. Pravo i politika. M.: Territoriya buduschego, 2016. S. 359-410.
9. Kerimov A.D., Kuksin I.N. Silnoe gosudarstvo i narodnaya volya? // RZHPI. 2017. № 3(12). S. 9-19.
10. Lisanyuk E.N. Loyalnyj agent i otmenyaemost v deonticheskoy logike // Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Obschestvennye nauki. 2014. № 1(125). S. 32-44.
11. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii. Soch. V 3 t. T. 3. M.: Mysl, 1988. S. 137-405.
12. Nazmutdinov B.V. Ot «normy» k «poryadku»: evolyutsiya pravoponimaniya Karla Shmitta // Pravovedenie. Izvestiya vuzov. 2015. № 1. S. 150-165.
13. Ogleznev V.V. «Otkrytaya tekstura» yuridicheskogo yazyka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2016. № 2(34). S. 237-244.
14. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. Analiticheskaya filosofiya, yuridicheskij yazyk i filosofiya prava. Tomsk: Izd. Tomskogo universiteta, 2016. 236 s.
15. Senderov V.A. Totalitarnoe myshlenie v Rossii i Karl Shmitt // Voprosy filosofii. 2014. № 8. S. 167-175.
16. Khabermas Yu. Moralnoe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. SPb.: nauka, 2000. 380 s.
17. Khabermas Yu. Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma. M.: Praksis, 2010. 264 s.
18. Chestnov I.L. Postklassicheskaya teoriya prava. SPb.: Alef-Press, 2012. 650 s.
19. Chestnov I.L. Problema legitimnosti prava: razmyshleniya na polyakh monografii V.V. Denisenko «Legitimnost kak kharakteristika suschnosti prava» // Pravovedenie. Izvestiya vuzov. 2014. № 6. S. 257-267.
20. Shmitt K. Garant konstitutsii // Shmitt K. Pravo i politika. M.: Territoriya buduschego, 2016. S. 27-220.
21. Shmitt K. Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbssa. Smysl i fiasko odnogo politicheskogo simvola. M.: V. Dal, 2006. 300 s.
22. Shmitt K. Legalnost i legitimnost (Posleslovie k izdaniyu 1958 g.) // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2012. № 3. S. 76-92.
23. Shmitt K. Legalnost i legitimnost // Shmitt K. Pravo i politika. M.: Territoriya buduschego, 2016. S. 221-306.
24. Shmitt K. Politicheskaya teologiya. M.: Kanon-Press-Ts, 2000. 336 s.
25. Shugurov M.V. Fenomen legitimnosti prava: filosofsko-pravovoe osmyslenie // RZHPI. 2015. № 1(2). S. 86-103.
26. Honneth A. Das Ich im Wir: Studien zur Anerkennungstheorie. Berlin: Suhrkamp, 2010. 308 s.
27. Thomas C.A. The Uses and Abuses of Legitimacy in International Law // Oxford Journal of Legal Studies. 2014. № 34(4). P. 729-758.